

Лингвокультурные лакуны и способы их классификации

В статье дается объяснение термина «лакуна». Описываются и систематизируются типы языковых лакун, предлагается их классификация. Приводятся примеры из художественных произведений.

Ключевые слова: языковая лакуна, художественный текст, вербальные и невербальные образы, ложные ассоциации, грамматические категории.

Понимание текста на неродном языке определяется степенью владения читателем данным языком, а также запасом культурологических знаний. Недостаточное владение языком и отсутствие необходимых знаний о предмете описания могут препятствовать адекватному восприятию художественного текста.

Трудности в восприятии художественного текста инокультурным носителем можно описать с помощью термина «лакуна». Использование термина «лакуна» в качестве инструмента описания трудностей, с которыми сталкиваются носители иного языка и иной культуры в процессе восприятия художественного текста, дает возможность систематизировать указанные трудности, разработать классификацию лакун.

Цель данной статьи – описать и систематизировать разные типы лакун, полученных в ходе экспериментального исследования восприятия русских художественных текстов китайскими и узбекскими студентами. Указанное исследование было проведено с использованием метода анкетирования китайских и узбекских студентов, а также перевода с русского на узбекский язык.

В данной статье лакуны понимаются как отклонения от адекватной интерпретации русского художественного текста инокультурным читателем. В основу предлагаемой классификации лакун положена модель восприятия текста, предусматривающая разграничение двух типов образов – вербальных и невербальных – и, соответственно, двух уровней восприятия текста – языкового и неязыкового, или образно-понятийного. Неадекватное соотнесение вербальных образов друг с другом приводит к образованию лакун на языковом уровне, а неадекватное соотнесение вербальных и «предметных» образов – к возникновению образно-понятийных лакун. В данной статье описываются разные виды языковых лакун, выделенных в соответствии с ярусами языковой структуры.

Фонетическая лакуна возникает при неадекватном восприятии звуковой формы текста вследствие несовпадения фонологических систем языка читателя, и языка, на котором создан текст. Например, стажер из

Китай воспринял сочетание «молодой барин» (Пушкин А. С. «Барышня-крестьянка») как «молодой парень». Отождествление звукокомплексов [бáр'ин] – [пáр'ьн'] обусловлено тем, что в китайском языке шумные согласные не различаются по глухости/звонкости.

Таким образом, неадекватная рецепция указанного отрывка текста при аудировании определяется несовпадением систем согласных фонем русского и китайского языков.

Лексические лакуны подразделяются на собственно лексические и лексико-семантические. Собственно лексические лакуны включают следующие разновидности лакун:

1) звукокомплекс осознается как слово, но не соотносится с определенным предметным образом (это слово выделяется в анализируемом тексте как непонятное). Как непонятные студенты-узбеки выделяют в тексте преимущественно слова, входящие в пассивный словарный фонд русского языка, а также слова-этнографизмы;

2) звукокомплекс не осознается как слово (студент не знает данной языковой единицы);

3) звукокомплекс ошибочно осознается как другое слово.

Звукокомплекс осмысливается как другое слово по следующим причинам:

а) смешение лексических омонимов, паронимов, омографов;

б) ложные ассоциации (фонетические, семантико-словообразовательные и др.).

Причиной смешения омонимов, как правило, является неравноценность лексических омонимов с точки зрения их употребления, а именно: слово воспринимаемого текста может быть ограничено в употреблении и мало известно (либо не известно), в то время как омонимичное слово является общеупотребительным. Например, разговорное *малый* («употребляется для обозначения человека (мужчины) – носителя каких-либо качеств») ([2:223]) в отрывке *Отец ее был добрый малый // В прошедшем веке запоздалый...* (Пушкин А. С. «Евгений Онегин») ошибочно осознается как омоним *малый* («незначительный по величине, размерам»; «незначительный по силе, степени проявления» и др. (см.: [2:222–223]), относящийся к нейтральной лексике и входящий в активный лексикон студентов. Выражение *добрый малый* было интерпретировано узбекскими учащимися как «добрый, но незаметный человек», «имеющий малый чин», «имеющий низкий уровень развития», «мужчина маленького роста», «не очень добрый», «не очень богатый».

Сравните также интерпретацию слова *свет* (*Вот мой Онегин на свободе ... и наконец увидел свет; Другие, строгие заботы // И в шуме света и в тиши // Тревожат сон моей души* – Пушкин А. С. «Евгений Онегин») как «жизнь», «мир», «общество того времени», «день»,

«счастье», «свобода», «учение». Студенты называют значения двух различных слов-омонимов: *свет* – «электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом»; «освещение», «источник освещения» и др. и *свет* – «мир», «окружающие люди, общество», «высший слой привилегированных классов буржуазно-дворянского общества» (см.: [3:44–45]).

Толкование незнакомых иностранному студенту слов может осуществляться на основе ложных ассоциаций, среди которых можно выделить:

а) фонетические ассоциации;

б) фонетико-семантические ассоциации, в частности – влияние слов родного языка, сходных по звучанию и близких по значению;

в) семантико-словообразовательные ассоциации.

В качестве примера ложного прогнозирования проанализируем перевод на узбекский язык выражения *Низкий дом с голубыми ставнями* (Есенин С. А. «Низкий дом с голубыми ставнями»). В ходе эксперимента было получено несколько вариантов перевода: «С голубым стеклом низкий дом», «Низенький дом с синей опорой»; «С голубой дверью низенький дом».

В нашем случае сложно адекватно перевести слово *ставни*, которое обозначает неизвестную узбекским учащимся реалию и не имеет эквивалента в виде слова в узбекском языке (русско-узбекский словарь передает эквивалент этого слова перифразой, которую дословно можно перевести как «двери на окнах» или «оконные двери»). Интерпретация данного слова осуществляется на основе смысла, прогнозируемого контекстом. Последний «подсказывает» узбекским учащимся определенный круг слов, служащих для наименования «частей здания, строения для жилья». Кроме того, эпитет *голубые* [ставни] обуславливает подбор эквивалентов «окно»/«стекло» (сравните привычное сочетание *голубые окна*). Перевод слова *ставни* как «столб»/«опора» обусловлен тем, что значение данного слова мотивируется его внутренней формой; существительное *ставни* (сравните «ставить») соотносится узбекскими студентами с предметом (частью сооружения), который ставится вертикально.

Наличие эпитета в некоторых случаях позволяет адекватно прогнозировать значение непонятого узбекскому студенту слова. Так, значение слова «выть» (*Ты мила мне, родимая выть* – Есенин С. А. «Низкий дом с голубыми ставнями») узбекские учащиеся определяют через семантику прилагательного *родимый*, поясняющего данный диалектизм. Словосочетание *родимая выть* было переведено как «мать-родина», «родная земля», «мать-природа». Данная интерпретация близка к адекватной, поскольку слово *выть* («доля», «участок, надел в земле, лугах») в контексте есенинского стихотворения употреблено в значении «родная земля».

Одной из причин возникновения лексико-семантических лакун является то, что инокультурный читатель владеет не в полном объеме

парадигмой лексико-семантических вариантов того или иного слова. В его сознании сформирован, как правило, только тот круг образно-понятийных ассоциаций, который соотносится со словом в его прямом употреблении. Это обуславливает возникновение неадекватного образа при восприятии отрезка текста, включающего данное слово в переносном значении. При этом необходимо разграничивать случаи, когда слово приобретает новое значение в данном контексте (читатель не понимает слово в его контекстуальном значении), и случаи, когда переносное значение слова закреплено в языке, а читатель владеет данным словом только в его прямом значении.

К морфологическим лакунам следует отнести неадекватное определение грамматического значения слова. Например, форма сослагательного наклонения *не хотел бы* (*И пропасть не хотел бы в глуши* – Есенин С. А. «Низкий дом с голубыми ставнями») была переведена большинством узбекских студентов как *истамадим* («не хотел»).

Формы условного наклонения в русском и узбекском языках имеют разный грамматический способ выражения: значение данной грамматической категории в русском языке выражается аналитически (сочетанием глагольной формы на *-л* и частицы *бы/б*), а в узбекском языке – синтетически (суффиксами *-р/-с-*). Эквивалентом *не хотел бы* в узбекском языке является форма *истамасдим* (суффикс *-с-* употребляется при наличии отрицания). Различие грамматических способов сослагательного наклонения в родном и русском языках является одной из причин возникновения данной лакуны.

Другой причиной появления морфологической лакуны является употребление служебных частей речи в периферийном, неосновном значении. Так, узбекские учащиеся затрудняются определить грамматическое значение предлога *по* «в соответствии с чем, согласно чему» – об этом свидетельствует неадекватная интерпретация выражения *по чинам* (*И за столом у них гостям // Носили блюда по чинам* – Пушкин А. С. «Евгений Онегин») как «по очереди».

Морфологическая лакуна может быть также обусловлена соединением в одну грамматическую пару слов, которые в русском языке не объединены общим грамматическим значением. Примером такой лакуны является перевод словоформы *хлебá* (*...в просторах полей // Они (журавли) сытных хлебов не видали* – Есенин С. А. «Низкий дом с голубыми ставнями») на узбекский язык как *нон*, что означает хлебо-булочное изделие.

Слово *хлеб*, употребляемое в значениях «пищевой продукт, выпекаемый из муки» и «зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта», не образует форму множественного числа (см.: [3:601]). Вместе с тем, *хлеб* как «зерновые (рожь, пшеница)»

употребляется преимущественно в форме множественного числа – *хлебá*. Данному многозначному слову русского языка соответствуют разные лексемы узбекского. Так, *хлеб* («печеное изделие») эквивалентно узбекскому *нон*, а форма *хлебá* соотносится со словом *дон экинлари*.

Узбекские учащиеся ошибочно соотносят формы *хлеб* (только *единственное число*) и *хлебá* как формы единственного и множественного числа аналогично парам *стол – столы*, что обуславливает неадекватную интерпретацию слова *хлеб* и на лексико-семантическом подуровне: учащиеся отождествляют формы *хлеб* («пищевой продукт») и *хлебá* («хлебный знак») по определяемым ими понятиям. Однако эта лакуна должна быть названа морфологической, поскольку указанное отождествление осуществляется на основе соединения рассматриваемых форм в одну грамматическую пару.

Характеристикой данного подтипа завершается анализ языковых лакун.

В данной статье была представлена классификация лингвокультурных лакун. Термин «лакуна» используется в лингвистике и методике преподавания иностранного языка как инструмент описания трудностей восприятия текста на неродном языке.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 304 с.
2. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М., 1999. – Т. 2. : К–О. – 736 с.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М., 1999. – Т. 4. : С–Я. – 797 с.
4. Чистякова А. Б. Практическое пособие по методике преподавания русского языка как иностранного / А. П. Чистякова. – Х., 2007. – 127 с.